

А.А. Зоткин

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО КОНФЛИКТА (2013–2014 гг.)

В статье анализируются изменения политической системы Украины в условиях гражданского конфликта (2013–2014). Зафиксированы тенденции изменений социального порядка и политических институтов. Главной системной причиной кризисов в Украине является цивилизационный раскол украинского общества. Осложнение отношений с Россией и военные действия на Донбассе стимулируют трансформацию политической системы на Украине. Для Украины повышаются риски стать полем конфликта между Россией и странами Запада на долгий период времени. Демонтаж старой политической системы и установление новой осуществляется в ограниченном политическом и дискурсивном пространстве. Украина стремится интегрироваться в Европейский Союз, но сохраняет «фасадный», имитационный характер демократии.

Ключевые слова: *политическая система, властвующая элита, гражданский конфликт.*

Анализируя изменения в украинской политической системе, справедливо будет обозначить, что для Украины завершился первый постсоветский этап ее истории (1991–2014 гг.). Двадцатитрехлетний период трансформации социальной структуры украинского общества, ценностей и социально-психологических установок граждан, моделей взаимоотношений между государством и обществом завершился острым гражданским конфликтом. Вместе с тем Украина вошла и в фазу общесистемно-институциональной деструкции, переформатирования норм и правил социального взаимодействия. Имеют ли эти изменения характер революции, как принято сейчас маркировать события 2013–2014 гг.? С нашей точки зрения, их оценка сейчас была бы преждевременной и носила бы эмоционально окрашенный характер. Сейчас мы можем только констатировать факт, что прежний социальный порядок сменяется хаосом. Это состояние должно завершиться каким-то вариантом: а) установлением нового порядка; б) возвращением к прежним устоям; в) общим регрессом социальной системы, ее переходом к архаичным и более простым формам социального взаимодействия; в) фрагментарным син-

тезом условно традиций и инноваций, старого и нового порядков. Находясь в потоке быстро сменяемых событий, невозможно предугадать, когда хаос достигнет максимума, а затем начнет упорядочиваться, перерастая в новый социальный порядок, и тем более какую конфигурацию он будет иметь. (Полагаем, что в разных сферах социальной жизни и в разных сегментах социальной структуры эта конфигурация будет иметь свою специфику и свое соотношение условно старых и новых форм.) Сейчас мы можем только фиксировать текущие изменения и очерчивать контуры возможных вариантов дальнейшей трансформации украинского общества и государства.

Социальные институты как «фабрики воспроизводства социальных отношений» (по Э. Дюркгейму) обладают свойством ригидности и инерционности. Поэтому при всем динамизме событий в социально-политическом пространстве Украина сейчас пребывает в состоянии инерционного движения. Социальные институты ослабевают, но, обладая высоким уровнем сопротивляемости внешним факторам, продолжают сохранять управляемость большинством общества привычными механизмами. При этом наиболее активные социальные группы (в первую очередь политические элиты) пытаются взять на себя часть нормообразующих функций институтов и переформатировать их «под себя», что стимулирует хаотизацию нормативно-правового поля. В таких условиях социальная структура становится менее жесткой, а социальные барьеры более преодолеваемыми, возникает эффект «сломанного социального лифта». Одни социальные группы сходят с социальной арены (или переходят в состояние выживания), другие быстро адаптируются к новым условиям, третьи повышают уровень своих притязаний к порядку распределения социальных благ, четвертые оказывают сопротивление (активное или пассивное, открытое или латентное) изменениям социальной системы. При всем многообразии отношений к изменению опривыченных социальных порядков и продуцируемых ими поведенческих моделей важно принимать во внимание в первую очередь векторы борьбы между условными «новым» и «старым» порядками (хотя границы между ними очень размыты). Все эти динамичные и противоречивые процессы, которые сложно уложить в единую схему, мы можем наблюдать сейчас на Украине. Отметим лишь некоторые тенденции в сфере социально-политических отношений.

Самым главным фактором, который предопределил возможность гражданского конфликта на Украине, является культурно-цивилизаци-

онный раскол украинского общества. Так как эта тема была подробно изложена, основываясь на теоретической концепции С. Хантингтона¹ и результатах эмпирических исследований, в одной из наших предыдущих работ², детально останавливаться на ней мы не будем. Отметим лишь, что именно эта системная характеристика украинского общества как цивилизационно расколотого дает объяснение его амбивалентному состоянию, которое сохранялось на протяжении всего постсоветского периода. Социологический мониторинг «Украинское общество», который проводится Институтом социологии НАН Украины, позволял констатировать, что на протяжении двух десятилетий в сознании граждан Украины одновременно уживались векторы евроинтеграции и вступления в союзные отношения с Россией и Беларусью. Что, в свою очередь, стало основой для формирования государства-«кентавра» (термин предложен Е. Головахой и Н. Паниной³), ориентированного одновременно на противоположные векторы как во внешней, так и во внутренней политике. Эта амбивалентность в установках граждан, в моделях политического поведения элит и порожденная ими разновекторность во внешней политике государства (в отдельные периоды Украина декларировала стратегическое партнерство с 40 государствами) позволили использовать Украину как поле борьбы между разными геополитическими игроками (Россия, Евросоюз, США). Каждый из них преследовал свои интересы. Украинским политическим элитам, страдающим комплексом *меншовартості* (заниженной самооценки) и неспособным к актуализации и защите интересов своего государства, оставалось только выбирать, с кем и против кого дружить.

Результатом деятельности украинских политических элит на протяжении 23-летнего периода стало низведение Украины до состояния зависимого государства. Эта зависимость сохраняется и поддерживает-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 255.

² Зоткин А. Украина как политический проект // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Междунар. науч. конф.: В 2 ч. М.: ЛЕНАНД, 2013. Ч. 2. С. 343–351.

³ Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Панина Н.В. Избранные труды по социологии: В 3 т. Киев: Факт, 2008. Т. 1. Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики / Сост., ред., вступ. ст. Е.И. Головахи. С. 139.

ся в устойчивом воспроизводстве таких стандартов мышления и моделей политического поведения украинских элит, которые закрепляют комплекс «провинциализма», имеющий выражение в признании своей несамодостаточности, неспособности к самостоятельному решению проблем государства и общества. Однако если ранее украинские правящие группы имели какое-то пространство для маневра между позициями геополитических игроков, то сейчас де-факто утратили свой суверенитет. После вооруженного свержения президента В. Януковича и обострения отношений с Россией (которое усугубил факт вхождения Крыма в состав РФ по результатам референдума 16 марта 2014 г.) политические элиты стимулировали экспресс-переход Украины в сферу влияния США и Евросоюза. На данный момент это является одним из важнейших факторов, который будет оказывать заметное влияние на конфигурацию социально-политических отношений на Украине. Важно подчеркнуть, что ускоренная политическая евроинтеграция Украины совершенно не подразумевает такого же быстрого перехода украинского государства на стандарты западных демократий. Ригидность социальных институтов будет снова и снова возвращать и элиты, и само общество к привычным нормам и моделям взаимодействия. Поэтому на данном этапе все евроинтеграционные устремления украинских политических элит можно рассматривать как, с одной стороны, элемент «фасадной» демократии с ее системой мифотворчества, а с другой — как проявление своего рода внешнеполитического патернализма, когда Украине пытаются найти нового «старшего брата».

К группе внешнеполитических факторов, влияющих на модели поведения элит в Украине и конфигурацию политических отношений, относится позиция политического руководства России к формированию новых моделей взаимоотношений как с украинскими элитами, так и с разными группами украинского общества. (Об этом написано много как российскими, так и зарубежными аналитиками, поэтому детально останавливаться на этом комплексе вопросов мы не будем.) Геополитическое поражение России в борьбе за влияние на Украину было предопределено рядом причин. Главными из них были следующие: 1) отсутствие опыта эффективного продвижения своего информационного влияния и фактическая бездеятельность в украинском культурном и информационном пространстве; 2) работа по укреплению российского влияния в Украине велась преимущественно путем экономического проникновения и межэлитных договоренностей, работа с широкими

слоями украинского общества была пущена на самотек. Поэтому дистанцирование Украины от России шло еще с 1990-х годов. «Крымская весна» стала лишь катализатором перехода межгосударственных отношений в острую фазу. Перерастание гражданского конфликта в военные действия на Донбассе (с поддержкой Россией ДНР и ЛНР) завершил этот процесс. Украина стала недружественным по отношению России государством, элита которой будет генерировать и поддерживать в обществе чувства реваншизма за уход Крыма и свои поражения на Донбассе. Другой стороной медали является факт, что в сложившейся ситуации Украина будет иметь юридический статус нейтрального, внеблокового государства, поскольку, имея территориальные проблемы, Украина не может вступить ни в один блок или альянс государств. Для преодоления этой преграды политическому руководству Украины понадобится де-юре признать статус этих территорий, что приравнивается к политическому самоубийству для любых партий и их лидеров. Такая конфигурация может оставить Украину в зоне геополитической неопределенности на долгий период времени.

Переходя к описанию внутренних факторов, влияющих на конфигурацию социально-политических отношений на Украине, нужно отметить два момента. Во-первых, необходимо понимать специфику политико-географического структурирования Украины и прямую связь внутривнутриполитической ситуации с внешними факторами воздействия. Гражданский конфликт на Украине имел длительный инкубационный период. Украинская политическая система долгий период времени благодаря своему политико-географическому ландшафту существовала как полицентричное образование, где не мог доминировать ни один центр. Сохранялся баланс между регионами (в первую очередь между пророссийским Юго-Востоком и ориентированным на Европу Западом Украины) и их элитными группами, которые попеременно занимали высшие позиции в центральной государственной власти. В Украине сформировалась динамичная и вместе с тем устойчивая политическая система, основанная на плюрализме и конкуренции. Она, конечно же, не была лишена недостатков, характерных для государств постсоветского пространства, но тем не менее имела перспективы политического эволюционирования. Заметный дисбаланс политическая система Украины испытала в период правления В. Януковича, когда произошло перераспределение бизнес-активов и политико-административных позиций в пользу одной региональной элитной группы. В 2013 г. произо-

шел всплеск протестных настроений в украинском обществе, которым воспользовались внешние игроки и украинские элитные группы, оппозиционные В. Януковичу. (К этому тезису уместно и справедливо добавить, что украинское общество само оказалось настолько незащищенным от внешних влияний, а украинские политические элиты настолько готовыми к торговле национальными интересами своей страны, что ведущим державам только оставалось воспользоваться этим¹.)

В нынешних условиях мы можем констатировать демонтаж прежней полицентричной политической системы на Украине. Эмоционально перегретое (со времен Майдана) состояние украинского общества используется элитами для «зачистки» политического поля, превращение его в более или менее однородное пространство. Конкуренция и свобода слова позволены только в рамках дискурса, определенного прозападными элитными группами. Региональные сообщества Юго-Востока страны подавлены, запуганы и дезориентированы. Партийный плюрализм допускается только среди политических движений и организаций, декларирующих достаточный уровень патриотизма, готовность к евроинтеграции и антиросийские настроения. Так, результаты выборов в Верховную Раду Украины сформировали противовесы власти президента П. Порошенко в лице премьер-министра А. Яценюка, экс-спикера парламента А. Турчинова («Народный фронт»), а также объединения «Самопомощь» под руководством мэра Львова А. Садового. Парламентские миноритарии («Радикальная партия» Ляшко, Блок Тимошенко) и националистические партии, которые не прошли в парламент («Свобода», Правый сектор), будут исполнять роль главных

¹ Характеристики политической системы и политических элит Украины детально проанализированы нами в отдельной работе. См.: *Зоткин А.* «Львы» и «лисы» украинской политики (о властвующих элитах). Киев: Наукова думка, 2010. Эта тема также освещалась нами на десятом и двенадцатом Всероссийских научных семинарах «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», организованных Социологическим институтом РАН совместно с Российской ассоциацией политической науки и Фондом имени Ф. Эберта в 2011 и 2013 гг. См.: *Зоткин А.* Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 286–306.

контролеров действующей власти. А если потребуется, то и новых претендентов на власть. При этом юго-восточные регионы политически обезглавлены, «восточные» партии и их лидеры или выдвинуты с политического поля (Компартия), или сведены до маргинального состояния (олигархические группы в «Оппозиционном блоке», оппозиционность которых будет иметь фиктивный характер). Созданы условия, когда ни одна политическая сила и центр власти не может усилиться до состояния владельца «контрольного пакета акций 50 % + 1 голос». Спектр фракций подразумевает возможности самых разнообразных комбинаций парламентского большинства и поддержания функционирования «системы сдерживания и противовесов». Все это позволяет характеризовать ныне действующую политическую систему на Украине как *конкурентный полицентризм в ограниченном политическом и дискурсивном пространстве*. Эта динамичная структура, несмотря на ее кажущийся извне нестабильный и конфликтный характер, предназначена для выполнения конкретных стратегических задач.

Вторым важным фактором является война (которую официальная доктрина цинично прикрывает формулировкой «антитеррористическая операция»), существующая для большинства украинского общества лишь в их представлениях, в то время как для всех жителей Донецкой и Луганской областей она стала жестокой и трагичной реальностью. Так, по результатам мониторингового исследования «Украинское общество», который проводит Институт социологии НАН Украины¹, в 2014 г. представления о социальных страхах в украинском обществе продемонстрировали заметные изменения. На протяжении двух десятилетий (вплоть до 2013 г.) граждане Украины опасались прежде всего безработицы, невыплат зарплат и пенсий, роста цен. В 2014 г. заметно возросли показатели страхов распада Украины как государства (14,5 % — в 2013 г., 46,0 % — в 2014 г.), межнациональных конфликтов (14,3 % и 35,1 % соответственно), нападения внешнего врага на Украину (9,5 %

¹ Здесь и далее приводятся результаты опросов из социологического мониторинга «Украинское общество», который проводится Институтом социологии НАН Украины с 1992 г. Стандартная выборка составляет 1800 респондентов и репрезентирует все взрослое население Украины (старше 18 лет) по основным социально-демографическим показателям. Статистическая ошибка выборки не превышает 2,3 %. В выборку исследования 2014 г. не были включены респонденты, проживающие в Крыму, а также на территориях восточных регионов, где проходили военные действия.

и 59,7 % соответственно). Вооруженное противостояние на востоке Украины 47,2 % опрошенных оценили как скрытую агрессию России, 21,9 % — как террористическую деятельность отдельных группировок, 14,3 % — как народное восстание против новой власти. Следует отметить, что оценки событий Майдана, ухода Крыма, вооруженного противостояния на востоке Украины, высказанные большинством украинского общества, кардинально отличаются от конфигурации оценок этих фактов жителями Донбасса. Не имея возможности углубиться в данную проблематику, приведем лишь краткий фрагмент из мониторингового исследования «Украинское общество». В ответах на вопрос «В каких из приведенных ниже ситуациях Вам пришлось хотя бы раз побывать на протяжении последних 12 месяцев?» в графе «другое» жители Донецкой и Луганской областей вписали «война», «ночные бомбежки», «обстрелы», «боевые действия», «гибель людей», «страх за семью во время бомбежек», «как спастись?», «нас каждый день убивает армия Киевской хунты». (Вряд ли здесь будут уместны комментарии.)

Если главными «заказчиками» войны на Украине являются внешние силы и украинские олигархические группы, то главные генераторы военной истерии в украинском обществе — политики. Правящие группировки, апеллируя к сложностям военного времени, получают эффективные механизмы упрочения своей власти через продуцирование страхов, социальных мифов и консолидацию большинства общества вокруг них. Пользуясь этим, элиты могут не только открыто пренебрегать действующими законами, списывая все на войну, но и улучшать показатели своего капитала¹.

На волне обострения отношений с Россией и военных действий на Донбассе украинское государство стало более милитаристским. В нем заметную роль начали играть силовики, лидеры военизированных праворадикальных группировок (последователи Организации украинских националистов, Правый сектор и др.), олигархи, содержащие и использующие частные военные компании (ЧВК), комбатанты (сотники Майдана, командиры т.н. добровольческих батальонов, принимавшие участие в военных действиях на Донбассе). Осуществляется героизация силовиков и комбатантов как защитников Украины от агрессии России.

¹ Головатюк Е. Война и бизнес: кто заправляет украинскую армию // Ліга-БізнесІнформ. 20.05.2014. <<http://biz.liga.net/all/tek/stati/2751435-voyna-i-biznes-kto-zapravlyaet-ukrainskuyu-armiyu.htm>>.

Первым номером в избирательном списке Блока Ю. Тимошенко заявлена старший лейтенант Н. Савченко, которая обвиняется в причастности к убийству российских журналистов. В избирательных списках многих партий также фигурируют командиры добровольческих батальонов, по-разному «прославившихся» на Донбассе.

Силовые методы решения любых противоречий стали привычной нормой в нынешних украинских реалиях, где защита закона распространяется по факту не на всех. Рядовые, низшие и средние чины правоохранительных органов настолько деморализованы, что зачастую пассивно не препятствуют противоправным действиям. После захватов силовых учреждений, волна которых прошла по стране в 2014 г., в незаконном обороте находится большое количество стрелкового оружия. Уровень безопасности в повседневности украинского обывателя заметно снизился¹. Что касается политической, общественной, информационной деятельности, то индивид или группа, чья позиция может противоречить общераспространенной доктрине, находятся в зоне повышенного риска. В отдельных группах украинского общества аккумулярован высокий потенциал нетерпимости и агрессии, который требует своего выхода. Так как он не может быть направлен на внешние цели, то ему остается только путь внутриукраинского «заземления». Украинский социолог Н. Шульга точно обозначил социально-психологическое и моральное состояние украинского общества: «В общественном сознании утверждается культ силы, порождающий морально-психологическую атмосферу насилия и подчинения... целенаправленно вбрасываются темы о предателях, в ней формируется галерея портретов врага. Богатое оттенками общественное сознание, многообразие взглядов на мир и общество упрощается, сводится к черно-белой гамме»².

Описанные выше тенденции позволяют нам сделать следующие выводы (которые в нынешних условиях оценки ситуации в Украине имеют скорее характер гипотез).

¹ В Киеве на Подоле избили преподавателя Могилянки // Сегодня. 24.09.2014. <<http://kiev.segodnya.ua/kaccidents/v-kieve-na-podole-izbili-prepodavatelya-mogilyanki-554891.html>>.

² Шульга М. Аберрантний стан суспільної свідомості українського соціуму // Українське суспільство 1992–2014. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2014. (в печати)

Во-первых, для Украины повышаются риски перехода в состояние геополитически неопределенной «серой зоны», территории локального конфликта между Россией и Западом (в первую очередь США). Так как ни одной стороне не удастся вовлечь всю Украину в сферу своего контроля и влияния, она может надолго стать полем теневой и «пульсирующей» борьбы, внешне имеющей формы внутриукраинского гражданского конфликта, стороны которого поддерживаются внешними игроками.

Во-вторых, на волне гражданского конфликта и вовлечения Украины в противостояние указанных выше геополитических игроков повышается вероятность перехода украинского государства и общества к мобилизационному типу развития (согласно терминологии О. Гаман-Голутвиной¹). Остается неясным, насколько хватит ресурсов власти и социально-психологического «накала» масс для поддержания (и, возможно, опривычивания) мобилизованного состояния украинского общества.

В-третьих, действующая политическая система в Украине имеет характер *конкурентного полицентризма в ограниченном политическом и дискурсивном пространстве*, и представляется весьма динамичной и действенной. Тем не менее общая ее диспропорциональность, нарушение баланса участия региональных элитных групп, представляющих разные региональные сообщества, ограничивает и ее эффективность.

В-четвертых, очевидно, что в нынешней ситуации государство утратило монополию на использование насилия. Появились альтернативные центры власти, обосновывающие свое право на использование насилия условиями военного времени. Принимая во внимание, что Украина уже вошла в состояние глубокого экономического кризиса, необходимо осознавать, что его реалии в сочетании с распространенным правовым нигилизмом и высоким уровнем агрессии в социально-психологических установках населения могут свести управляемость украинским обществом к нулю.

¹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33–36.